
Воспоминаніе о Карлѣ Ѳедоровичѣ Германѣ.

Если какая нибудь жизнь стоитъ памяти людей, то это безъ сомнѣнія жизнь, посвященная образованію ихъ юности. Въ ней все подвигъ и подвигъ высокой творческой цѣны: воздѣлывая мысль и волю, онъ полагаетъ основу тому чему быть или не быть въ нравственныхъ нуждахъ и судьбахъ поколѣнія. Признаемъ ли мы послѣ съ благодарностію, или отвергнемъ власть ума, которая была для насъ нѣкогда источникомъ всякихъ убѣжденій— все равно: какъ принятая нами пища должна превратиться въ плоть и жизненные соки, такъ убѣжденія сіи, противъ нашей воли, вроснутъ въ душу и составятъ часть ея; мы не властны уже истребить ихъ, какъ не властны въ капляхъ обращающейся въ насъ крови уничтожить по произволу ту, или другую. Царственное владычество ума надъ умами есть дѣло высочайшаго нравственнаго призванія и вмѣствъ роковое испытаніе его правоты. Посему конечно нѣтъ могущества, которымъ мы были бы вправе болѣе гордиться и которое въ тоже время возлагало бы на насъ болѣе отвѣтственности, какъ могущество, устрояющее нравственную будущность другихъ.

Карлъ Ѳедоровичъ *Германъ* былъ одинъ изъ людей, готовыхъ, по внутреннему призванію, цѣлую жизнь обречь сему великому общественному служенію и одинъ изъ людей, совершающихъ его съ достоинствомъ, къ какому способно истинное дарованіе и съ добросовѣстностію, отличающею высокую простоту и цѣломудріе сердца. На ступени общества, которая многимъ кажется слишкомъ скромною, потому что она сіяетъ однимъ блескомъ ума, онъ принесъ отечеству драгоценнѣйшую дань — свѣжіе возрожденные имъ плоды науки. Мы хотѣли бы представить полное изображеніе его жизни и дѣятельности, — и это вѣроятно было бы любопытно для всѣхъ мыслящихъ, считающихъ славу умственныхъ успѣховъ лучшею славою на земли. Къ сожалѣнію, мы такъ мало имѣемъ матеріаловъ для удовлетвори-

тельной его біографіи, что должны довольствоваться только краткою характеристикою.

Карль Федоровичъ *Германъ* родился въ Данцигѣ 1767 года Сентября 5. Отець его находился въ Прусской службѣ въ чинѣ Надворнаго Совѣтника. Вѣроятно многія испытанныя имъ огорченія ожесточили нѣсколько его характеръ и сдѣлали недовѣрчивымъ къ общимъ понятіямъ о жизни, назначенія человека и средствахъ упрочивать его благосостояніе. Это, кажется, было главною причиною, почему онъ сначала рѣшился было не возбуждать въ сынѣ своемъ никакого порыва къ высшему существованію и хотѣлъ заключить его будущность въ предѣлы простаго званія. Онъ полагалъ, что счастье мирной доли стоитъ пожертвованія даже нѣкоторыми преимуществами ума изощреннаго для истины и открытаго для принятія ея уроковъ блестящихъ и опасныхъ. Вышло однакожъ противное его желанію. Маленькій *Германъ* обнаруживалъ такія способности и столько страсти къ ученію, что послѣ довольно жаркой борьбы, наконецъ надобно было уступить его стремленіямъ, — и когда подстрекаемый какимъ то неукротимымъ инстинктомъ любознанія, онъ покусился однажды убѣжать изъ родительскаго дома, чтобы вступить въ школу, то положительно уже было рѣшено тщательнѣе заняться его воспитаніемъ. Окончательное образованіе онъ получилъ въ Гёттингенскомъ Университетѣ, гдѣ преимущественно занимался Исторіей, Статистикою и Камеральными науками. Знаменитый *Шлёцеръ* былъ одинъ изъ любимыхъ его наставниковъ — и, какъ самъ онъ признавался, отъ него-то въ особенности онъ получилъ навыкъ къ строгому и точному анализу въ ученыхъ изслѣдованіяхъ. Въ 1795 году, по приглашенію Камергера Графа *Гурьева*, бывшаго впоследствии Министромъ Финансовъ, онъ прибылъ въ Петербургъ, чтобы заняться воспитаніемъ его дѣтей и въ тоже время вступилъ въ Русскую службу учителемъ въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ. Отличный даръ преподаванія и обширныя свѣдѣнія скоро доставили *Герману* блестящую извѣстность въ столицѣ на поприщѣ воспитанія и въ ученомъ кругу. 1798 года онъ былъ сдѣланъ Ректоромъ Гимназіи, находившейся тогда при Академіи Наукъ, а 1805 Адъюнктомъ Политической Экономіи и Статистики въ послѣдней. Вслѣдъ за тѣмъ, 1806 года, ему ввѣрена была кафедра Статистики въ Педагогическомъ Институтѣ, которую онъ зани-

малъ и послѣ преобразованія сего заведенія въ Университетъ до 1824 года. Сверхъ этихъ трудовъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ возложило на него должность Начальника Статистическаго Отдѣленія коего и самому учрежденію онъ много содѣйствовалъ. Должность эту отправлялъ онъ почти до самой смерти, раздѣляя въ тоже время труды Академіи Наукъ въ званіи Экстраординарнаго, а съ 31 Января 1836 года Ординарнаго Академика.

Многосторонняя ревностная служба *Германа* была отличаемая милостями и щедротами Монаршими. Кромѣ полученныхъ въ разные времена награжденій деньгами и подарками, *Германъ* имѣлъ чинъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника и былъ украшенъ Орденами: Св. Анны 2 ст. съ алмазами, Владимира 3 ст., Станислава 2 ст. и знакомъ отличія безпорочной службы за 35 лѣтъ.

Въ 1819 году нѣсколько любителей наукъ изъ людей почтенныхъ и заслуженныхъ, возбужденные Профессорскою знаменитостію *Германа*, пожелали бесѣдами его распространить и пополнить свои познанія. По ихъ просьбѣ онъ открылъ особенный курсъ публичныхъ лекцій о Статистикѣ и Политической Экономіи. Слушатели его были не только люди образованные, зрѣлые умомъ и опытомъ, но образованіемъ своимъ уже дѣйствовавшіе съ честію на общество. *Германъ* вполне оправдалъ ихъ довѣренность и ожиданія; одушевляемые и руководимые имъ они почерпнули новыя силы въ наукѣ обнимающей важнѣйшія задачи Государственной жизни и благоденствія народовъ.

Ученыя бесѣды *Германа*, по единодушному отзыву его учениковъ, отличались вообще какою-то оригинальною увлекательностію. Эго не было блестящее и потрясающее краснорѣчіе, быстрота, ловкость и остроумная изворотливость мысли и слова: это была какая-то пластическая осязательность рѣчи, простота, проникнутая величіемъ общей господствующей идеи, побѣдительная крѣпость и вмѣстѣ гибкость Логикѣ, связывающей и разлагающей понятія самыя разнообразныя съ неподражаемымъ диалектическимъ искусствомъ, безъ помѣхи другъ отъ друга, безъ торопливости, съ полнымъ присутствіемъ духа, съ полною властію ума, самодержавно повелѣвающего своимъ предметомъ. Тутъ были не слова и не голыя отвлеченныя идеи, но самыя вещи въ природной своей силѣ, въ красотѣ одной своей сущности, размѣщаемыя и движимыя искусною рукою такъ естественно и сво-

бодно, что казалось, будто онъ сами исходили предъ васъ изъ глубины природы и жизни. Таково краснорѣчіе мужей. Столь благопоспѣшное, здоровое, стройное движеніе науки, безъ сомнѣнія, есть лучший залогъ ея успѣха и власти надъ душою людей— и не удивительно, что пользовавшіеся наставленіями *Германа* всегда вспоминали о немъ съ глубокою признательностію: они научились у него уважать науку. — *Германъ* принадлежалъ къ той школѣ ученыхъ, которые строгій и отчетливый анализъ предпочитаютъ синтетическому построенію теорій и системъ. Но умѣвъ избѣжать одной крайности—слишкомъ пылкой и неосторожной доверчивости къ идеямъ, онъ также былъ далеко отъ другой — отъ пошлаго, столь же односторонняго эмпиризма, покушающагося создать ученіе, безъ общихъ и вѣчныхъ истинъ, изъ однихъ обломковъ жизни. Это былъ одинъ изъ тѣхъ крѣпко организованныхъ умовъ, которые съ одинакою неистощимостію силъ, способны жить въ самыхъ мрачныхъ пропастяхъ, куда спускается человекъ для отысканія истины — и дышать пронзительнымъ горнымъ воздухомъ на крайнихъ высотахъ творенія. Онъ полагалъ, что всякое познаніе, пріемля матеріалы отъ жизни, получаетъ отъ ума только форму и снова возвращается къ жизни въ богатыхъ примѣненіяхъ къ важнѣйшимъ интересамъ ея — къ развитію и устроенію нравственно-разумнаго порядка между людьми и гармоніи ихъ волей. Отсюда очевидно исключались всѣ апріорическія произвольныя начала съ ихъ произвольными выводами. Все сіе, говорилъ онъ, разширяетъ предѣлы ума въ безконечность, но не даетъ человечеству никакой жатвы, кромѣ удостовѣренія въ діалектической внутренней мощи умственныхъ отправленій. Но чтоже мощь эта съ ея способностію сдвигать и передвигать огромныя массы понятій? Гимнастическая игра безъ дѣйствительныхъ битвъ и побѣдъ. Въ тѣхъ наукахъ, коими занимался *Германъ*, важныхъ по непосредственному ихъ отношенію къ обществу, но можетъ быть слишкомъ легко соблазняемыхъ блестящею роскошью теорій, болѣе чѣмъ гдѣ либо надлежало быть осмотрительнымъ. Надобно было умѣть отдѣлаться отъ вещей и стать на высоту недоступную ихъ бурнымъ эмпирическимъ тревоженіямъ, гдѣ обыкновенно столь печально погибаютъ высшія соображенія и жизни и науки; но въ то же время надлежало всегда имѣть око зоркое и отверстое на вещи, чтобы онъ не смѣшались съ тѣнями, созданными поверхъ

ихъ воображеніемъ пылкихъ, но неразумныхъ поборниковъ истины. *Германъ* въ высокой степени обладалъ способностію соединять обширные виды общаго взгляда съ подробностями и разнообразіемъ явленій. Неистощимое богатство и многосторонность его свѣдѣній были истинно изумительны; онъ умѣлъ столько же собирать ихъ, какъ и распоряжаться ими. Вблизи отъ могилы онъ одушевлялся еще ревностію къ истинѣ и съ теплымъ участіемъ слѣдилъ за всеми замѣчательными явленіями въ области жизни, науки и литературы, не исключая даже легкаго, *умнаго* стихотворенія, если оно, вопреки обычаю нашихъ юныхъ геніевъ, появлялось въ современной Русской поэзіи. Одинъ упрекъ можно сдѣлать его памяти, что онъ неохотно сообщалъ свѣту глубокомысленныя ученія свои наблюденія и изысканія. Отъ него остались намъ одни отрывочные трактаты объ отдѣльныхъ предметахъ Статистики и Политической Экономіи. Важнѣйшій трудъ его есть *Руководство ко Всеобщей Теоріи Статистики* изд. 1808 года и послѣ нѣскольکو разъ перепечатанное. Это былъ первый основной камень для созданія въ Россіи Статистики, какъ науки, — и по справедливости съ *Германа* надобно начинать Исторію ея въ нашемъ отечествѣ. Заслуги Гг. *Зябловскаго*, *Гейма*, *Арсеньева* и другихъ весьма важны: имъ принадлежитъ слава обработки и развитія у насъ сей отрасли познанія, но законодательная, такъ сказать, часть ея — утверженіе идеи и устройство ея формы есть подвигъ *Германа*. Вотъ прочіе его труды:

1) Anfangsgründe der deutschen Sprache von C. Th. Hermann, Lehrer an dem adeligen Land - Cadetten - corps. St. Petersburg. 1803. in 8.

2) Geschichte und gegenwärtiger Zustand des Forstwesens in Rußland. — Въ IV и V ч. повременнаго изданія: Rußland unter Alexander dem Ersten, einer histor. Zeitschrift, herausgeg. von H. N. Storch. —

3) Geschichte und statistische Beschreibung der Russischen Seemacht. Тамъ же и VI — VII. —

4) Beitrag zur Charakteristik der französischen, österreichischen und russischen Herre. — Тамъ же г. XI. —

5) Въ этомъ же изданіи были напечатаны статьи о крестьянскихъ жилищахъ въ Лифляндіи (Bauernhütten in Livland) и о Суворовѣ.

6) Литература Статистики. —

7) Статистическій журналъ, IV части въ 8 д. 1806 — 1808 г. —

8) Статистическое описаніе Ярославской губерніи. С. Пб. 1808 г. in 8.

9) Географическое и Статистическое описаніе Грузіи и Кавказа, заимствованное изъ путешествія Академика И. А. Гильденштедта . . . . издано по распоряженію Академіи Наукъ. 1809 г. in 8.

10) Статистическія изслѣдованія относительно Россійской Имперіи. Ч. I О народнаселеніи. С. Пб. 1809 г. in 8.

11) Разныя сочиненія, напечатанныя въ трудахъ Академіи Наукъ.

Еще во время службы своей при Университетѣ *Германъ* удостоился особеннаго вниманія въ Бозѣ почивающей Государыни Императрицы Маріи Феодоровны, которая въ просвѣщенной материнской заботливости о воспитаніи дѣвицъ въ Россіи, изыскивала всѣ средства къ улучшенію своихъ заведеній, считая по справедливости важнѣйшимъ изъ нихъ выборъ и покровительство достойныхъ наставниковъ. По Ея Высочайшей волѣ въ 1820 году *Германъ* былъ опредѣленъ Инспекторомъ классовъ въ Обществѣ Благородныхъ дѣвицъ и Училищѣ Ордена Св. Екатерины. Здѣсь открылось совершенно новое поприще для его педагогической дѣятельности. До сихъ поръ онъ стоялъ на Академической высотѣ, гдѣ наука является во всемъ развитіи своего духа и механизма, увѣнчанная всеми результатами и вооруженная, какъ Минерва, всеми своими тяжелыми доспѣхами; теперь представилась ему другая сфера, гдѣ дары науки должны разцвѣтать безъ видимаго ея присутствія, гдѣ, соувлекшись жесткой плоти и костей, она должна благотворить однимъ своимъ духомъ, свѣтомъ и теплотою. Мы говоримъ о нашихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Здѣсь женщина принимаетъ раскрытою душою все нравственно-человѣческое и освятивъ прелестію чувства то, что воздвигнуто на земли другими духовными силами, довершаетъ тѣмъ самымъ великое твореніе общественной жизни — довершаетъ образованность. Безсмертно Августѣйшее Имя Той, которая восхотѣла употребить моральную силу женщины для развитія въ общественномъ нашемъ духѣ истинныхъ началъ высшей, просвѣщенной гражданственности и которая сдѣлала ее однимъ изъ орудій великаго народнаго перерожденія!

Германъ понималъ и это высокое назначеніе женщины и способъ, какому надобно слѣдовать въ воспитаніи, чтобы этимъ надежнымъ путемъ приблизить ее къ нему. Онъ зналъ, что надъ нею долженъ господствовать болѣе духъ ученія, чѣмъ строгая система, болѣе чувства, чѣмъ холодная Логика ума. Дѣйствуя усердно вообще на усовершенствованіе методъ преподаванія, онъ старался сколь возможно болѣе развивать его специальный характеръ. Онъ требовалъ, чтобы по каждой наукѣ, принятой въ заведеніи, были сообщаемы воспитанницамъ полныя свѣдѣнія, но безъ школьнаго формалитета и мелочныхъ подробностей. Часто, посѣщая классы, онъ, для примѣра наставникамъ излагалъ самъ какую нибудь часть науки. Нельзя было смотреть безъ умиленія, какъ этотъ старецъ, въ головѣ коего, увѣнчанной свѣдами и честію, сложилось и устроилось столько высокихъ соображеній о человечествѣ и народахъ, какъ онъ умѣлъ легко и непринужденно войти въ умъ и сердце юныхъ питомицъ; какъ умѣлъ онъ каждую мысль парящую въ высшихъ областяхъ науки, уловить, свести оттуда и поставить передъ ними, такъ сказать, лицомъ къ лицу. Не рѣдко самое строгое и отвлеченное понятіе изъ счастливаго примѣра, изъ остроумнаго сближенія съ предметами живыми и поразительными, или изъ одного удачнаго намѣка выходило у него яснымъ, улыбающимся, доступнымъ — и его принимали ласково тѣ, которыя безъ этого, за школьную угрюмость непременно заплатили бы ему презрѣніемъ, или постарались бы стереть его съ своего ума, какъ пятно со своего передника. Его бесѣда съ этими гибкими, цвѣтущими, радужными умами была дѣйствительно торжествомъ педагогической стратегіи, производившей маневры свой съ такою ловкостію, что побѣда надъ ними была рѣшена прежде, чѣмъ они успѣвали примѣтить ея возможность. Ошибаются тѣ, которые думаютъ, что учить значитъ только удовлетворительно излагать науку: это половина труда; другая не менѣе важная состоитъ въ томъ, чтобы связать науку съ личными интересами учащихся, съ современными нуждами ихъ сердца и воображенія, съ надеждами ихъ собственнаго любознательнаго, а не чуждаго имъ ума. Въдь они живутъ и живутъ какою еще роскошною жизнію, а вы хотите, чтобы они только учились. Но они должны работать для будущности, говорите вы; работать они будутъ, только не требуйте, чтобы они воздѣлывали эту отдаленную будущность цѣ-

ною всего своего настоящего. Не поступайте такъ, какъ поступаютъ некоторые умозрители, смѣло обрекающіе въ своихъ системахъ цѣля поколѣнія (за исключеніемъ самихъ себя) на жертву великолѣпному благу и усовершенствованію грядущаго человечества. Всякому и всему свое. Всегда почти юные умы становятся враждебными противъ идей науки, совершенно чуждыхъ сферѣ ихъ существованія и важныхъ только отдаленными своими слѣдствіями. И тутъ-то особенно нужно искусство, нужна Педагогика, а не простое ученіе. Маневрируя, такъ сказать, она держитъ ихъ въ повиновеніи среди разныхъ извилинъ понятій, откуда бы имъ очень хотѣлось убѣжать на цвѣтущую и привольную почву жизни, — держитъ ихъ до тѣхъ поръ, пока результаты разцвѣтающіе изъ безобразнаго корня началъ, не прикуютъ ихъ къ наукѣ сами обиліемъ своихъ сочныхъ и питательныхъ плодовъ. Вотъ почему преподаватель-художникъ долженъ, кромѣ идей своей науки, всегда имѣть готовый запасъ свѣжихъ идей жизни, чтобы къ стати посылать ихъ въ помощь всему отвлеченному, когда оно начнетъ робѣть и теряться отъ натиска молодыхъ, жизнелюбивыхъ умовъ. Одинъ Сократъ, можетъ быть, зналъ вполне великую тайну здравой педагогійи и его способъ принадлежитъ къ самымъ благотворнымъ открытіямъ для человечества. *Германъ* всегда съ большимъ успѣхомъ употреблялъ сократическій способъ, о которомъ впрочемъ такъ много говорятъ, считалъ его безъ сомнѣнія очень простымъ и легкимъ и который разумѣютъ весьма немногіе, потому что онъ легокъ и простъ для однихъ наставниковъ, природою а не школою призванныхъ къ своему служенію.

Вотъ нѣкоторыя черты изъ нравственной физіогноміи *Германа*. Карлъ Федоровичъ былъ человекъ, на котораго нельзя было смотрѣть только какъ на члена извѣстнаго круга и сословія людей; по любви къ своему призванію онъ вполне принадлежалъ этому сословію и былъ, какъ мы видѣли, его украшеніемъ; но по обширности своего взгляда на вещи, по глубокимъ убѣжденіямъ сердца, онъ былъ болѣе чѣмъ человекъ науки — онъ былъ человекъ. Въ самомъ дѣлѣ изъ того, какъ онъ жилъ и мыслилъ, видно что онъ создалъ себя не по одному размѣру долга, предписаннаго ученому. Иные любятъ свое званіе, какъ ремесло; другіе по особенному устройству своего духа, находятъ въ немъ удовлетвореніе всѣмъ цѣлямъ жизни; нѣкоторые или немногіе

наконецъ свой общественный постъ считаютъ только средствомъ для высшаго служенія человечеству — и къ симъ то немногимъ принадлежалъ *Германъ*. — Неудивительно, если у людей такъ называемыхъ образованныхъ мы находимъ, въ вѣчной суматохѣ страстей ихъ, нѣсколько порывовъ добра и истины: это доказываетъ только, что добро и истина, также какъ и все прочее, принадлежатъ къ системѣ человѣческихъ началъ. При томъ мы все бываемъ одинъ разъ въ жизни превосходными людьми, въ ту эпоху, когда избытокъ жизненныхъ силъ дѣлаетъ насъ столькоже расточительными на благія намѣренія, какъ на деньги и здоровье. Если вблизи насъ не достаетъ для надеждъ нашихъ добра, которое бы укрѣпляло нашу вѣру во все прекрасное и великое на земли, мы творимъ его сами бодрою силою непритупленнаго чувства и жаркой фантазіи — и дѣло кончено, мы пока въ ладу съ судьбою; наше легкомысліе спасаетъ на нѣсколько мгновеній для насъ добро и насъ для добра. Но вброшенные закономъ жизни въ жерло суровыхъ и тревожныхъ опытовъ, мы переплавляемся; лучшая наша часть испаряется и улетаетъ на воздухъ и изъ вѣдръ этой роковой лабораторіи мы выходимъ такими же желѣзными холодными эгоистами, какъ и другіе — для чего? Чгобъ презрѣнемъ къ жизни купить менѣе печальную разлуку съ нею. Какъ же изумитесь вы, когда вдругъ неожиданно встрѣтите человѣка съ умомъ, вкусившимъ отъ горькихъ плодовъ знанія, человѣка столько видѣвшаго и столько испытывшаго, что ему было бы стыдно утѣшать себя возможностью того чего нѣтъ и не бываетъ,—какъ же вы изумитесь, говорю, когда этотъ человѣкъ станетъ передъ вами въ полной крѣпости всѣхъ утѣжительныхъ истинъ и съ неостывшею, жаркою любовію къ людямъ, къ искусству, къ наукѣ, какъ будто бы опытная мудрость не положило никакихъ язвъ на его сердце. Такъ изумились бы вы, увидѣвъ *Германа* въ сѣдинѣ лѣтъ и опыта и въ юношеской свѣжести всѣхъ возвышенныхъ убѣжденій. Основной идеей его нравственной системы, кажется, было равновѣсіе силъ и начинаній; надъ этой внутренней экономіей онъ трудился какъ художникъ, стремясь увѣнчать свои усилія спокойствіемъ духа во всѣхъ обстоятельствахъ и измѣненіяхъ жизни. Чего стоило ему осуществленіе этой высокой мысли, о томъ могъ бы сказать только онъ самъ. Практическое разрѣшеніе такихъ нравственныхъ задачъ конечно сопряжено съ тяжкими внутренними бореніями и покупается

цѣною многихъ блестящихъ выгодъ жизни. Но онъ вкусилъ и плоды сего мудраго внутренняго законодательства. Всегда вѣрный самому себѣ среди мелкихъ текущихъ тревогъ жизни, непримѣтно измѣняющихъ основныя расположенія нашей души, *Германъ* являлся столь же могучимъ и спокойнымъ среди открытой прямой битвы съ судьбою. И когда она указывала ему двѣ дороги — одну, ведущую къ безславному успѣху, а другую къ благородному и не заслуженному страданію, онъ не колебался избиралъ ту, гдѣ можно было потерять все, кромѣ чести. Хотите ли знать, какими внутренними силами обладаетъ человѣкъ, наблюдайте его не тогда когда онъ идетъ бодро на встрѣчу злу неизбежному и со всѣхъ сторонъ его обхватывающему: это доблесть, но доблесть безъ искушенія свободы; посмотрите лучше на него въ то драматическое, роковое мгновеніе, когда ему предоставленъ выборъ между тѣмъ, что благородно и гибельно, и между тѣмъ, что полезно и неблагородно. Многіе ли со своими прекрасными качествами, со своею неукоризненною общественною репутаціею пройдутъ сквозь этотъ очистительной огонь такъ чтобъ ихъ добродѣтель, которую все считали тверже алмазита, немножко не запятналась сажею и не сдѣлалась слишкомъ мягкой и удобною для какихъ угодно пердѣлываній? Испытаніе душевной силы огнемъ и желѣзомъ, совершаемое судьбою, совсѣмъ не то что ежедневная очистка требованій чести и честности предъ судилищемъ свѣта, но въ обыкновенномъ, ежедневномъ быту. Вся жизнь *Германа* была стройная и прекрасная система, гдѣ совѣсть, воля и разумъ гармонически рѣшали трудную практическую задачу—быть довольну самими собою и другими. Всегда простъ и человѣчественъ, онъ никого не обременялъ притязаніями своего самолюбія и умѣлъ не смущаться отъ притязаній чуждаго. Ему, какъ и всякому другому, случалось быть въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ другимъ; однакожъ можно было сомнѣваться, имѣлъ ли онъ непріятелей: онъ ни о комъ не говорилъ дурно. Обладая обширнымъ и глубокимъ знаніемъ чловѣка, *Германъ* не слишкомъ обольщался блестящими возгласами о безконечномъ усовершенствованіи его, о дивныхъ успѣхахъ вѣка и т. п.; но вѣрилъ, что правосудіе и теплое участіе въ судьбѣ подобныхъ намъ можетъ быть въ чловѣческомъ сердцѣ воздѣлано, какъ одно изъ естественныхъ его влеченій. Подобное убѣжденіе, выражаемое поступками, кажется,

больше приносить чести человечеству, чѣмъ великолѣпное вѣтѣйство людей, которые съ такимъ жаркимъ восторгомъ проповѣдываютъ о глубинахъ человѣческой природы, объ идеяхъ великаго и прекраснаго и различныхъ ихъ проявленіяхъ, не умѣя впрочемъ сложить двухъ, трехъ порядочныхъ дѣлъ въ жизни, куда не вмѣшались бы самые мелкіе расчеты своекорыстія, гдѣ не *проявлялись* бы самая презрѣнная нищета и безсиліе нравственнаго.

Германъ любилъ бесѣду людей простыхъ нравами и добродушныхъ или просвѣщенныхъ безъ подлѣтства и насильственнаго глубокомыслія. Въ этихъ-то бесѣдахъ даже въ послѣдніе годы своей жизни онъ умѣлъ разливать вокругъ себя и назиданіе и радость. Его обширныя свѣдѣнія, которыя онъ умѣлъ обнаруживать безъ всякихъ школьныхъ притязаній, его глубокое познаніе жизни и сердца человѣческаго, вѣрный взглядъ на всякое современное замѣчательное событіе, тонкость и обширность въ соображеніяхъ и наконецъ неизмѣнная ясность ума съ легкою игрою остроумія — все это была роскошь нравственная, удивительная въ старцѣ, которую можно было извѣстить въ немъ только мудро-художественнымъ управленіемъ самаго себя. *Германъ* былъ величайшимъ врагомъ всякаго принужденія и лицемерства въ идеяхъ, словахъ и поступкахъ; казалось даже, что онъ не очень заботился о внѣшнихъ формахъ въ образѣ жизни; но никто лучше его не понималъ самыхъ утонченныхъ приличій истиннаго изящества. Предметы искусства онъ умѣлъ оцѣнивать какъ знатокъ, а въ молодости своей онъ оказалъ блестящіе успѣхи въ живописи. Въ семействѣ его сохраняются гдѣ картины писанныя имъ масляными красками: онъ изобличаютъ истинный талантъ. Владѣя вполнѣ многими языками, онъ любилъ преимущественно говорить на Русскомъ; духъ и богатства его онъ зналъ глубоко. Хотя выговоръ его былъ и не совсѣмъ чистъ, но выраженія были точны и живописны. Всѣ Русскіе замѣчательные писатели были ему извѣстны; о *Пушкинѣ* же, котораго онъ понималъ, можетъ быть, гораздо лучше многихъ изъ нашихъ критиковъ, онъ всегда говорилъ съ особеннымъ глубокимъ уваженіемъ.

Германъ былъ крѣпкаго сложенія; въ послѣдніе годы его начала беспокоить подагра, которая обратившись къ груди, наконецъ сразила его. За двѣ недѣли до кончины онъ присутство-

валъ еще на экзаменахъ въ Смольномъ Монастырѣ и распоряжалъ вполне дѣлами по своей должности. Онъ оставилъ свой общественный постъ только тогда, когда смерть взяла его, такъ сказать, за руку, чтобы отвести на мѣсто вѣчнаго успокоенія. Съ неизмѣннымъ спокойствіемъ встрѣтилъ онъ убѣжденіе въ близости роковаго часа; съ полной крѣпостію духа и съ высокимъ Христіанскимъ благоговѣніемъ приобщая Св. Таинъ, онъ умеръ 19 Декабря 1838 года,—точно такъ жилъ—мудрецомъ, человекомъ и христіаниномъ.

А. Никитенко.

(Изъ С. П. Б. Вѣд. 1839, № 217.)